„Socialistitcheski Vestnik“
„Le Courrier Socialiste“
„Der Sozialistische Bote“

REVUE BIMENSUELLE

Prix — 4 frs

Organe Central du Parti Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS (13e)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 17 (421)
18-й г. издания

Подписная плата для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии: за год 100 фр., за ½ г. — 50 фр., на ¼ г. — 25 фр., для С.А.С.Ш.: за год — 6 долл., за ½ г. — 3 долл., за ¼ г. 1,50 долл.; для остальных стран: за годъ — 150 фр., за ½ г. — 75 фр., за ¼ г — 40 фр. За перем. адр. — 1 фр. Конт. и ред.: 11, Square Albin Cachot (141, r. Broca), Paris XIII. Тел.: Port-Royal 05-25
Chèques Postaux «Le Courrier Socialiste» — 359.84 Paris
Прием по делам ред.: по понед., средам и пятницам, от 11—1 ч.

15 Сентября 1938 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Мир — на долго-ли?

Нюренбергское сборище кончилось. Пресловутая речь Гитлера, которой с таким тревожным напряжением ждал весь мир, была, наконец, произнесена. Речь была полна грубейших нападок на демократию и демократические государства и неслыханных оскорблений по адресу Чехословацкой республики и ее президента. С вызывающей резкостью развертывала она перед всем миром картину грандиозного вооружения и военной подготовки Германии и грозила бронированным кулаком всем, кто попытается остановить национал-социализм на пути, предначертанном ему самим Провидением и его пророком, Гитлером. Но речь не заканчивалась ни сообщением о переходе германскими войсками чехословацкой границы, ни ультиматумом, ни даже требованием плебисцита для судетских немцев, — ни одним из тех актов, которые означали бы немедленное начало европейской и мировой войны. Мир вздохнул облегченно: вопреки безудержному хвастовству своей силой и вызывающей позе, опубликованное накануне сообщение о позиции английскаго правительства возымело свое действие, и чудовищные эксцессы языка должны были, очевидно, лишь несколько скрасить тот несомненный факт, что в данный момент Гитлеру пришлось отступить.

Но это — лишь одна сторона положенія, какъ оно представляется после речи Гитлера. Другая заключается в том, что, отступая, он тем больше связал себя на будущее время, тем больше масла подлил в готовый вот-вот вспыхнуть ярким пламенем костер военной опасности. Впервые он с недопускающей никаких перетолкований определенностью заявил, что берет на себя добиться удовлетворения всех требований судетских немцев, т. е. фактического выделения их из Чехословацкой республики, если Чехословакия «добровольно» этих требований полностью не удовлетворить. Впервые он публично подтвердил, что для достижения этой цели не остановится и перед войной, если понадобится, — а после заявлений Франции, Англии, Советского Союза, Соединенных Штатов он хорошо знает, что «понадобится».

Быть может, и все эти воинственные словеса были лишь средством несколько подсластить для слушателей горькую пилюлю вынужденнаго в данный момент отступления. Но есть слова, которые обязывают, — и особенно обязывают они «тоталитарных» диктаторов, власть которых более, чем какая-либо другая власть, нуждается в престиже непогрешимости и непоколебимости: Гитлеръ отступил сегодня, но взял на себя перед своими верными обязательство с тем большей энергией и настойчивостью подготовлять свой завтрашний прыжок. Он, можно сказать, уже начал готовить его своею речью.

После этой речи стратегия германского национал-социализма в чехословацком вопросе на ближайшие дни и недели совершенно ясна: обещая судетским немцам в нужную минуту свою военную поддержку, Гитлер тем самым поощряет их подготовлять и создавать этот «нужный» момент. Можно поэтому быть уверен-

ным, что ближайшие дни принесут с собою не только повышение «не-уступчивости» судетских немцев в их переговорах с чехословацким правительством, но и непрерывную серию новых провоцированных «инцидентов», каждый из которых может оказаться искрой, зажигающей пожарище национал-социалистической военной интервенции, европейской и мировой войны. После речи Гитлера можно сказать, что мир еще раз спасен. Но надолго-ли? На месяцы, на недели или — на дни?

Таким образом, никаких оснований для оптимистического самоуспокоения «благополучный» перевал через «роковой» день 12 сентября, которого с таким трепетом ждал весь мир, не дает. Европа, а за нею и все другие страны земного шара осуждены попрежнему трястись в настоящем предвоенном ознобе — между все возростающею опасностью войны и все слабеющей надеждой на сохранение мира. Этот озноб не может длиться — не то что без конца, но и чрезмерно долго: такого напряжения не смогут выдержать ни искалеченное хозяйство капиталистического мира, ни финансы его, ни издерганные человеческие нервы. И в то же время этот озноб не может прекратиться, пока не положен конец позорному положению, при котором одного слова людей, по своей умственной и моральной культуре застрявших где-то на полдороге между гориллой и Чингис-Ханом, достаточно, чтобы был залит кровью весь земной шар, чтобы осиротели миллионы семей, чтобы затмилось солнце дымом пожарищ и в развалинах бесчисленных созданий человеческого генія, быть может, погребена была тысячелетняя цивилизация!

Незачем напоминать, как дошел мир до жизни такой: история и «великой» войны, которая должна была быть «последней», и Версальского мира, и после-версальского двадцатилетия еще свежа в памяти всех. Достаточно констатировать факт, что сейчас ключи, которыми могут быть отверсты двери либо в светлый храм мира, либо в могильный склеп войны, находятся в руках Гитлера, возглавляющего ту Австро-Германию, которую всего каких нибудь 20 лет тому назад буржуазия Антанты так радикально разгромила, расчленила, обкарнала, обезоружила и обложила астрономическою данью: одного слова, сказанного в Нюренберге или Берхтесгадене, достаточно, чтобы взорвать мир, как пороховую бочку!

Эти ужасные итоги войны, которою руководила буржуазия, и мира, который она заключила, не должны быть забыты трудящимися массами всех стран на тот случай, если преступники фашизма еще раз навяжут им кровавое испытание мечем и огнем. Ибо эти итоги — не историческое воспоминание, а самая актуальная действительность, и лишь используя все внутренние противоречия позиции и политики своих буржуазных антагонистов, мог Гитлер пытаться напялить на себя плащ борца за «самоопределение народов» и за исторический прогресс вообще и выступать чуть не в роли пролетария-социалиста, защищающего трудящиеся массы от своекорыстия капиталистической буржуазии лучше, последовательнее и успешнее, чем это делали или могут делать злокозненные «марксисты».

Не следует недооценивать значения этой социальной демагогии для миллионов трудящихся, особенно трудящихся из среды мелкой буржуазии. И не следует забывать, что не игнорированием и не отрицанием исторических необходимостей и исторических задач, а лишь революционным разрешением их, в противовес тому контр-революционному, которое дает фашизм, может быть прочно обеспечен мир. Программа такого революционного разрешения должна лежать в основе военной политики социалистического пролетариата и под ее углом зрения должен он подходить и к «злобам дня», противоставляя гитлеровскому «самоопределению» судетских немцев идею свободного самоопределения всех народов, в том числе и тех меньшинств, которые находятся в самой Германии, гитлеровским колониальным притязаниям — идею освобождения колоний, гитлеровскому «аншлуссу» — идею социалистических Соединенных Штатов Европы и т. д.

Но действительной «злобой дня» является сейчас противодействие тому насилию над Чехословакией, которое готовит Гитлер и которое, если его допустят, непременно развяжет мировую войну.

Поэтому необходимо, прежде всего, никоим образом не допускать «демобилизации» общественного внимания к накликаемой фашизмом военной опасности: сегодня мир удалось спасти, но военная опасность стала не меньше, а больше!

Необходимо далее еще более энергично, чем это делалось до сих пор, настаивать на том, чтобы правительства демократических держав ясно и недвусмысленно заявляли о своей решимости противоставить силам фашизма свои собственные об'единенные силы, ибо это единственный способ сохранить мир. Той лазейкой, которую оставило ему последнее английское сообщение своим упоминанием о возможности «новых видоизменений» последнего предложенного чешским правительством «плана», Гитлер уже пользуется для того, чтобы подстрекнуть своих судетских последователей к новым требованиям, как он пользуется расшаткой идеи «коллективной безопасности» для того, чтобы, обещая (до поры, до времени!) неприкосновенность французской и «других» (читай: польской, итальянской, венгерской, голландской, датской, бельгийской и пр.!) границ, разбить складывающийся против него блок и обеспечить себе возможность оккупировать Чехословакию без риска и, пробившись такимъ образом к Балканам и через Балканы к Средиземному морю и английским путям в Индию, разбить деморализованных и дезорганизованных «других» врагов и утвердить свое мировое господство. Надо не оставлять ему ни каких лазеек, никаких щелей!

Необходимо, наконец, помнить, как справедливо говорит Леон Блюм, что не только судетские немцы должны быть гарантированы от угнетения центральною властью, но и «этнические и политические меньшинства немецких кантонов должны быть гарантированы от угнетения судетскими национал-социалистами». Необходимо помнить, что «должны быть сохранены независимость и суверенитет чехословацкого государства».

Их сохранение зависит больше всего и прежде всего от твердости самой Чехословакии, от ее решимости при всех условиях защищать свое существование от нападения Гитлера. Ее решимость, и только она, создаст условия, при которых и Англия, преодолевая особенно сильные в ней тормозящие факторы, будет вынуждена отбросить в сторону все колебания и занять твердую позицию. И чем скорее это случится, тем лучше, ибо тем больше будет шансов, что твердая позиция анти-фашистского блока послужит гарантией мира, а не гарантией лишь участия этого блока в грядущей войне: не надо ни на минуту упускать из виду, что при нынешнем положении с каждым днем шансы мира убывают и ростут шансы войны. Только твердый, решительный и быстрый отпор зарвавшемуся диктатору Германии может превратить «спасение мира» из мимолетного эпизода чреватого немедленным и еще большим возрастанием военной опасности, в первый, но серьезный и действительный шаг к победе человечества над войной.

Р. АБРАМОВИЧ.

У Рубикона

Размахивая ярко пылающим факелом, Гитлер стоит у гигантской пороховой бочки. Подожжет-ли он ее, не подожжет? Весь мир в буквальном смысле этого слова с замиранием сердца следит за каждым жестом человека в светло-сером френче с фанатически горящими глазами, со свешивающейся на лоб прядью волос.

Факел колеблется вправо, ветер несет сноп искр к бочке, — мир судорожно вздрагивает, у десятков миллионов людей во всех странах сжимается сердце, и холодный пот выступает на лбу. Факел колеблется влево, — опасность удаляется, и у десятков миллионов людей на обоих полушариях из груди вырывается вздох облегчения. Целая армия репортеров, наблюдателей, журналистов, сотни фотографических камер и кино-аппаратов, десятки микрофонов регистрируют и отмечают каждый шаг, каждый жест, каждое движение той группы лиц вокруг Гитлера, которым приписывается соучастие в великом решении. И каждый жест, каждое слово, каждое движение руки по тысячам проводов и по беспроволочному телеграфу передается во все страны мира, воспроизводится в десятках тысяч газет, в сотнях тысячах клише, на экранах кино перед глазами миллионов посетителей.

Гитлер это знает. Наэлектризованному чувству этого полуобразованного самоучки, вознесенного судьбой на сказочную высоту, наделенного почти божественными прерогативами, искренно убежденного, что немецкий бог ниспослал его на землю для спасения германской нации и создания господствующей над миром Великой Германии, необычайно льстит сознание, что его слово, подобно слову Александра Великого, Цезаря или Наполеона, может решить участь мира, и что та самая Германия, которая еще несколько лет тому назад была бессильной, безоружной и бесправной, ныне его волей и его усилиями превращена в решающую и господствующую нацию, в руках которой находятся судьбы мира, и решения которой с трепетом ожидает все человечество.

Гитлер не торопится со своим ответом: пусть мир потрепещет еще, пусть подрожат от страха все те, которые издевались над Германией, которые не понимали ее величия и ее силы.

Но фигура в сером френче с классическим клоком волос на лбу — это не только наделенная божественными аттрибутами вершина тоталитарной пирамиды всенемецкой мистики: в нем сконцентрирован, за ним стоит и им руководит коллективный мозг гигантской диктаторской машины, огромного военного аппарата, чудовищного промышленного механизма этой самой развитой индустриальной страны европейского континента. И в тот самый момент, когда Гитлер в мистическом экстазе общается со своим немецким богом, холодные специалисты из генерального штаба Рейхсвера, из дирекции промышленных трестов и финансовых институтов еще и еще раз подсчитывают силы, подытоживают запасы, вычисляют импортно-экспортные балансы. А послы и доверенные посланцы Фюрера в н+первый раз пробными шарами проверяют решимость и готовность к бою (или к уступкам!) будущих врагов и друзей.

Но подсчетами, вычислениями и проверкой занимаются и все другие «заинтересованные» державы. И так как всех бесчисленных факторов, определяющих исход

ГРИГОРИЙ АРОНСОН.

От „Чайки" к „Буревестнику"

(К смерти К. Станиславского).

Надо смотреть правде в глаза: Художественный Театр, празднующий свое сорокалетие (1898-1938), принадлежит прошлому. Смерть Станиславского дает лишнее основание подвести итоги. Но все это лишь дань формальному моменту, — ибо в действительности в последние лет 20 мы имеем перед собой и в чисто-театральномъ отношении, и в культурно общественном смысле явление иного порядка, — нежели то, что мы знали под именем ХТ. Да и фирма в сущности стала другая. Театр теперь уже известен под фирмой МХАТ. Бунтарь и искатель в пору театральной юности, революционер в области театральных исканий, ХТ признан революцией театром академическим, так сказать, увенчан лаврами маститости и учительства. За это же время неоффициальный, но фактический театръ Чехова превращен в оффициальный театр Горького. И «Чайка» снабжена паспортом на «Буревестника».

Не случайно поэтому книги «дуумвирата» ХТ, — Станиславского («Моя жизнь в искусстве», 1926) и Немировича-Данченко («Изъ прошлого», 1936) уводят нас от волнующих тем современности исключительно в страну воспоминаний, в область давно минувшего.

Когда Станиславский делит историю ХТ на три периода: до революции 1905 года, от 1905 до 1917 и на период, начавшийся с октября, — он об этом третьем периоде, об эпохе революции, сейчас уже занимающей отрезок времени, равный двум предыдущим периодам, — не говорит ни слова. И не потому только, что это неудобно, нелойяльно или просто невозможно, — в дни нэпа, когда вышла книга, все же можно было протаскивать кое-что сквозь рогатки цензуры! — но главным образом потому, что было ясное сознанье самого существенного: пути созданного Станиславским театра и пути революции разошлись. Революция бурно взметнулась вперед и в сторону, а ХТ, созданный Станиславским, застрял на зарубке прошлого. И если о разрыве художественной преемственности не было сказано словами, то самый факт отмалчивания от эпохи революции ярко свидетельствует об этом в книге Станиславского.

Но вот спустя 10 лет второй руководитель ХТ издал свою книгу о театре, — онъ в памяти своей перелистывал уже не 8, а 17 лет истории ХТ за время революции. Но Немирович-Данченко свой рассказ опять-таки доводит лишь до 1917 года. Неужели исключительно по цензурным соображениям, из вынужденной лойяльности? Нет, конечно. Ибо в сознании Немирови-

возможной войны, полностью учесть нельзя, и так как целый ряд чрезвычайно важных данных надо оценивать и учитывать при помощи догадок и интуиции, то проблема войны или мира из математической задачи превращается в некоторое подобие карточной игры: важны не только те карты, которые лежат открытыми на зеленом столе, гораздо важнее еще подчас те, которые лежат закрытыми перед игроками. При этой трагической «игре в покер», где ставкой является судьба миллионов людей, малейший ложный рассчет, малейший неосторожный шаг могут сыграть поистине роковую роль. Тут нужно «каменное лицо», тут нужно, чтобы противник не догадался, какая именно карта лежит прикрытой. Так требуется правилами игры. Но сами эти правила игры, сама необходимость делать непроницаемое лицо является в свою очередь источником гигантской опасности: противник может принять за блеф то, что является стопроцентной реальностью; он может принять за реальность то, что является блефом.

Если бы народы нашли в себе смелость отказаться от традиционных «правил игры», если бы правительства нашли в себе мужество «высказать, что есть», то положение необычайно упростилось бы, и выход из тупика был бы найден. Ибо соединенные силы тех держав, которые по самому существу своих интересов вынуждены стать поперек пути стремящегося к мировой гегемонии германского нео-империализма, настолько превосходят силы гитлеровского Рейха и его возможных союзников, что вопрос о конечном исходе вооруженного конфликта между этими двумя комбинациями сил является действительно уже не проблемой, а полной очевидностью. Между тем, гитлеризм, несмотря на всю мистическую фразеологию, до сих пор обнаружил редкое умение весьма трезво и весьма реалистически считать и подсчитывать. Гитлеровская диктатура и генеральный штаб Рейхсвера нисколько не похожи на клуб самоубийц. И они никогда не рискнули бы пойти на такую авантюру, которая математически должна была бы их привести к поражению и гибели. Если бы все государства решили действовать открыто и смело, карта гитлеризма была бы бита с самого начала, и опасность войны никогда не могла бы стать столь реальной и осязательной, как в эти трагические дни. Но счастье гитлеризма заключается в том, что не только он сам колеблется, высчитывает, отступает и вновь наступает, но и что все прочие державы и народы тоже вынуждены, в силу внутренних политических, психологических и дипломатических соображений колебаться, взвешивать, наступать и отступать.

Если в самой Чехословакии, являющейся непосредственно об'ектом немецкой агрессии в данный момент, решимость и концентрированность достигла высшей степени; если во Франции элемент колебаний и сомнений сравнительно невелик, то Англия, несмотря на все усилия Лейбор-партии и части самого правительства, лишь в самый последний, 12-ый час, заняла, наконец, позицию, которая устранила в Германии всякую тень сомнения относительно роли, которую Англия будет играть в грядущих событиях. Злополучная статья «Таймса» с предложением об уступке Германии судетской территории является наиболее яркой иллюстрацией этого положения. И чем дальше от театра событий, тем больше амплитуда колебаний. В последнюю минуту телеграф принес из Вашингтона, после недвусмысленных речей Рузвельта, Холла и Буллита, однозначно определивших было роль Соед. Штатов, как силы, фактически, если не формально, противопоставляющей себя гитлеризму, сенсационное интервью Рузвельта, которое сконфуженные комментарии американской печати пытаются об'яснить личной взволнованностью президента в связи с болезнью его сына.

Незачем обманывать себя: все эти опасные колебания об'ясняются не только политической близорукостью правительств. Причины гораздо глубже. И свидетельством тому является хотя бы статьи тов. Поля Фора в «Попюлэре», так резко разнящиеся по своему устрем-

---

ча, как и Станиславского, борозда, проведенная революцией в истории ХТ, оказалась настолько резкой и глубокой, что люди, создававшие это большое и своеобразное явление русского театрального искусства, не узнают своего собственного детища в том, что существует под фирмой МХАТ в эпоху большевистской революции и приходят к выводу: ХТ принадлежит прошлому.

Поэтому Станиславский и Немирович, игнорируя революционную эпоху, восстанавливают перед нами пленительные образы прошлого, — рассказывая, как создавался в старой дореволюционной России театр Чехова. Это было время, когда главной и единственной задачей театра было, по выражению Станиславского, — «воссоздать жизнь человеческого духа», когда театральные искатели, освободившись от оков эстетики шестидесятников, шли к этой цели путями символизма и импрессионизма, интуиции и чувства, когда чеховская душевность и кажущаяся «бездейственность» окрашивала собой лучшие достижения театра, — а «Доктор Штокман» Ибсена или «Мещане» Горького звучали данью общественно-политической, патетической, революционной романтике.

II.

Революционная эпоха в ее большевистской ипостаси с самого начала воспринята была основателями ХТ, как нечто враждебное и чуждое. Характерно, что отталкивание от революции сказалось у обоих в реакции на «улицу», ворвавшуюся в театр по свежим следам Октября. Немирович рассказывает такой эпизод: «Слышу во время действия шум в коридоре. Оказывается, какой-то болван, решивший, что революция дала ему право делать все, что ему угодно, угрожает капельдинеру револьвером, если его не пустят в зал». И то же самое вспоминает Станиславский о публике Октября: «Пришлось начать с самого начала, учить первобытного зрителя сидеть тихо, не разговаривать, не грызть орехов, снимать шляпы и т. д.».

Революция первых лет проникла также и в жизнь и быт актеров ХТ, и многие из них вынуждены были прибегнуть к «халтуре», чтобы как-нибудь обеспечить себе черствый кусок хлеба. «Халтура», конечно, опять-таки усиливала в старой гвардии ХТ отталкивание от большевистской революции...

Но можно ли все-таки сказать, что этимъ исчерпывается отношение главныхъ фигуръ ХТ к революции? Ведь всякий, кто знает историю ХТ первых двадцати лет, никак не может согласиться с тем, что этот театр был аполитичен, нейтрален в вопросах общественности, равнодушен ко всему тому, что волновало всю передовую интеллигенцию страны. Причину отталкивания и отчужденности, следовательно, нужно искать не в природе ХТ, а в революции, какой она вышла из Октября. Совсем по иному ощущал себя ХТ в «безумном» 1905 году, когда революция и в реальности своей и в проблематике вырисовывалась еще в туманно-привлекательных очертаниях.

Станиславский вспоминает, например, что в тот день,

лению от передовых статей Леона Блюма. Ненависть к войне, страх перед неслыханной катастрофой, которая связана с войной, настолько сильны, что они парализуют и перевешивают доводы холодного разума и соображения политической целесообразности. Пусть логически всякая уступка ведет к дальнейшему усилению германского империализма; пусть всякое колебание об'ективно является водой на мельницу гитлеризма, — но как решиться дать сигнал к войне? Как найти в себе мужество повернуть тот рычаг, который приведет в движение космические силы разрушения и смерти, которые потом уже ничем больше нельзя будет остановить?! И мысль, — эта рабыня страха и чувства, — начинает искать компромисса и «среднего пути». Всякий понимает, что по существу дело не в Чехословакии и не в судетских немцах. Но нельзя-ли выиграть время? Стоят-ли эти судетские немцы того, чтобы за бóльшую или меньшую сумму их национальных прав пожертвовать десятками миллионов человеческих жизней? Нельзя-ли путем уступок в этом, в конце концов, второстепенном вопросе, купить мир еще на несколько месяцев, может быть, еще на несколько лет?

Неужели мир должен погибнуть из-за того, что нельзя найти справедливого разрешения национального вопроса в крохотном чехословацком государстве?

Так думают и ощущают сотни тысяч людей во всех странах. И это парализует их волю и решимость к действию. Это создает ту почву, из которой выростает нерешительная и двойственная политика правительств, а в результате и та «игра в покер», которая может закончиться так трагически.

Снова и снова в столкновении аморальных, лишенных всяческих человеческих чувств, тоталитарных диктатур со свободными демократическими народами, самые гуманные и человечные побуждения последних являются источником опасности для них. И наиболее высокие добродетели их превращаются в пороки!

Мир будет спасен только тогда, Рубикон не будет перейден фашизмом только в том случае, если демократические и миролюбивые нации, если рабочий класс этих наций сумеет «зажать свое сердце в кулак», сумеет подчинить естественные побуждения гуманности голосу политического разума и ответить тоталитарным диктаторам на том единственном языке, который они понимают и признают, — на языке силы и твердой решимости.

С. ШВАРЦ.

Итоги сессии Верховного Совета СССР

После почти семимесячных парламентских каникул Верховный Совет СССР, наконец, 10-го августа собрался на свою вторую сессию. Но не прошло и двух недель, и советский парламент исчерпал свою на этот раз действительно обширную программу, и депутаты раз'ехались по домам. Парламентские каникулы вновь вступили на многие месяцы в свои права.

Важнейшей задачей, стоявшей перед ВС в этой его сессии, явилось рассмотрение и утверждение б ю д ж е т а. Бюджет утвержден на этот раз с громадным опозданием, после того как почти 2/3 бюджетного года остались уже позади. О причинах такого опоздания ни наркомфин З в е р е в, ни докладчики (председатели) бюджетных комиссий не проронили ни слова и никто

когда на Казанской площади в Петербурге полиция избивала студенческую демонстрацию, — в этот день вечером гастролировавший в столице XT ставил ибсеновского «Доктора Штокмана», — воспринятого, как весть о грядущей революции. «Нужна была революционная пьеса, — замечает он, — и «Штокмана» превратили в таковую».

Это было время, когда предреволюционные настроения наполняли всю атмосферу, когда все сердца были полны романтической верой в революцию, призванную освежить и обновить замордованную, загнивавшую при старом режиме русскую жизнь. Театр, как и литература, были яркими выразителями этих ожиданий и надежд. Горький в стенах XT был тогда встречен, как вестник революции, как «Буревестник».

Однако надо тут же отметить, что показания основателей XT с точностью устанавливают, что роман с Горьким у театра был недолог и неглубок. В 1926 г. в своей книге Станиславский мог еще позволить себе роскошь отвести то скромное место Горькому, какое он занял в истории идейных влияний в XT. После 1905 года скоро выяснилось, что они не подходят друг другу.

Когда Немирович писал свою книгу спустя 10 лет (1936 г.), ему было трудно уже проявить надлежащее чувство меры, — ему пришлось уже часть своей книги посвятить «горьковскому влиянию» в XT. Ведь Горький в это время был «зам-Сталин» в области искусства, а самый театр уже был давно прикреплен к его имени. Но очень характерно, что в рассказе Немировича о «двух близких драматургах» Чехов вырисовывается действительно, как душа книги (и театра), а Горький мелькает, как эпизодическая фигура. Когда, пытаясь очертить идеологию XT, Немирович сочиняет эклектическую формулу, в которой «рядом с чеховской лирикой и толстовской примиренностью звучит неустанным призывом к борьбе горьковское», — то у читателя уже получается впечатление прямой натяжки. Эта натяжка особенно дает себя чувствовать в свете казуса с Достоевским, — «мещанство» которого Горький усердно клеймил и против инсценировок которого в XT слал свои известные протесты с Капри.

III.

Кой-какие любопытные штрихи к превращениям XT в эпоху большевистской революции дает журнал «Театр и драматургия» за 1934 год, — в материалах к 10-тилетию «советизации» XT (1924-1934).

Представитель режиссерской смены в театре Марков между прочим сообщает к характеристике новейшего периода в жизни XT, что в то время, как с 1917 по 1924 год XT дал только одну новую постановку, с 1924 по 1934 он дал их уже целых 25. «Темпы» поистине неведомые до революции XT! И, повидимому, они явились не в результате художественных театральных исканий, — а в итоге вынужденных поисков наибольшей созвучности эпохе. Но в то же время это значит, что до 1924-го года в XT еще господствовала старая гвардия, что хозяевами еще оставались Станиславский и

из депутатов не решился даже поставить этот вопрос, чтобы не напоминать о роковых последствиях сталинско-ежовской борьбы против «вредителей» и «врагов народа»: ведь пока Народным комиссариатом финансов управлял расстрелянный весной 1938 г. Гринько, бюджет подготовлялся почти своевременно и в 1936 г. был утвержден 16-го, в 1937 г. даже уже 13-го января.

В немногих заседаниях Верховного Совета, посвященных обсуждению доклада Зверева, не было сделано даже и попытки критического рассмотрения бюджета. Докладчики бюджетных комиссий ограничились внесением нескольких незначительных поправок к бюджету, носивших чисто рассчетный характер и безоговорочно принятых наркомфином, и некоторые из депутатов высказали осторожные пожелания об удовлетворении специальных хозяйственных и культурных нужд их избирательных округов (главным образом автономных республик) в бюджете будущего года. В остальном и докладчики бюджетных комиссий и выступавшие в прениях депутаты ограничились в сущности пересказом доклада наркомфина о блеске «наших достижений», нашедших свое выражение в проекте бюджета. Односторонность и навязчивая тенденциозность всех этих речей и отсутствие в них даже и зачатков серьезной критики бюджета привели к тому, что общественное мнение Советского Союза и заграницы почти не обратило внимания на тот факт, что данные о развитии советского бюджета действительно свидетельствуют о значительном хозяйственном укреплении Советского Союза. Наркомфин, впрочем, сделал с своей стороны все, что было в его силах, чтобы уродливыми преувеличениями подорвать доверие к этим данным.

За последние годы единый государственный бюджет (охватывающий бюджет Союза, союзных республик и местные бюджеты) очень значительно вырос. В 1936 году итоги исполнения единого государственного бюджета выразились по доходам 83,8 миллиардами, по расходам 81,8 миллиардами рублей. В 1937 г. единый государственный бюджет был утвержден ЦИК'ом в размере 98,1 миллиардов рублей по доходам и 97,1 миллиардов по расходам. В бюджете 1938 г., утвержденном только что ВС, доходы достигают уже 126,7 расходы 125,2 миллиардов рублей (не считая бюджета социального страхования, впервые включенного в этом году в единый государственный бюджет). Так как в последние годы не наблюдалось падения ценности рубля и основы финансовой системы Советского Союза не подвергались глубоким изменениям, рост бюджета должен свидетельствовать об экономическом росте страны. Но в погоне за рекордными цифрами наркомфин явно перехватил. Увеличение государственных доходов за один год с 98,1 до 126,7 миллиардов, т. е. почти на 30 миллиардов рублей, не может не вызывать сомнений. И доклад Зверева в ВС полностью эти сомнения подтверждает.

В докладе этом приводятся данные о ряде важнейших статей государственных доходов в текущем году. По всем этим статьям доходы этого года выше, чем в прошлом году; но если подсчитать доходы по всем статьям, по которым имеются данные для 1937 и 1938 годов, то окажется, что по статьям, составлявшим в 1937 г. 93,5% бюджетных доходов, увеличение в 1938 году достигает 13,2 миллиардов рублей. Отсутствуют для 1938 г. данные лишь по немногим, сравнительно незначительным статьям бюджета прошлого года; но по этим статьям увеличение государственных доходов никак не может достигать 15 слишком миллиардов рублей. Очевидно, — хотя наркомфин и хранит об этом молчание, — в этом году включены в государственный бюджет такие статьи государственного дохода (кроме социального страхования), которые до сих пор по государственному бюджету не проходили. Повидимому, в основном это увеличение государственного бюджета достигнуто путем более полного охвата им местных бюджетов.

Немирович-Данченко, что они еще лелеяли иллюзию сохранить независимость и внутреннюю свободу ХТ, цеплялись и за старые традиции, и за старый репертуар. Но в 1924-м году, видимо, пришлось уступить.

Отражая настроения этого времени, коммунист Афиногенов, автор пьесы «Страх», приводит слова Станиславского, как бы формулирующие его символ веры: «Вот меня ругают за идеалистические термины в моей книге, — сказал Станиславский, — а я других словъ не нахожу. Искусство есть состояние человеческого духа. Слово «дух» вредное. Предложите что-нибудь взамен, но только такое слово, которое сразу проникает в суть». И дальше: «Умственный актер не сыграет по правде. Надо, чтобы его ум был в чувстве виден, в самом простом человеческом чувстве»...

Но простое человеческое чувство уже было не ко двору. «Дух» не мог ужиться и мириться с безудержным гнетом тоталитарной диктатуры. Идеализму и гуманности чеховского театра не было места в революционном деспотическом государстве. Еще год-другой ХТ давали отсидеться. Экспериментаторство, охватившее все области искусства, щадило в течение первых лет ХТ. Своим прошлым и всем своим культурным весом он вынуждал большевиков соблюдать известную дистанцию между собой и ими. Департаментом искусства управлял Луначарский, — как-никак культурный европеец, имевший к тому же амбицию в своем лице создать симбиоз «буржуазного» и «пролетарского» искусства. Но, повидимому, к 1924 году произошел сдвиг в судьбе ХТ. Прилетели новые птицы, «буревестники» с маленькой буквы, — и запели новые песни. В революционной стране намечался некий Ренессанс литературы и искусств. Какой-то шутник уже назвал Москву — новыми Афинами.

Первые пришли в литературу, а затем и в театр «попутчики». Теперь уже забыто это слово, но в первые годы нэпа оно имело большую и хорошую прессу. Теперь эти «попутчики» большей частью уже акклиматизировались, ассимилировались, порой запаслись партбилетом и включились в хор, поющий Сталину осанну, — если только не ликвидированы уже в качестве врагов народа. Но в связи с расцветом Нэпа и еще большим расцветом нэповских иллюзий выросла и оформилась целая плеяда талантливых писателей, попутчиков, — Вс. Иванов, Леонов, Олеша, Вл. Катаев, Бабель и мн. др., — пришедших и в стены ХТ. За попутчиками довольно скоро пришли и драматурги-коммунисты: Киршон, Афиногенов, Ваграмов и др. Спектаклей, изображавших революционную эпоху, ее фон, ее дыхание, — оказалось недостаточно. От театра требовался откровенно - тенденциозно - политический спектакль с «миросозерцанием», — даже с агиткой, если не с настоящей «философией эпохи». Приходилось, видимо, потрафлять невзыскательному вкусу... начальства.

Вот Ваграмов, «бывший чекист», который ведет «кружок молодых драматургов Болшевской коммуны ОГПУ», написал пьесу и понес ее в МХАТ: «Вряд ли мое корявое произведение увидело бы подмостки, если бы не горячее вмешательство директора театра—старой большевички т. Ставрович. Она добилась»... — простодуш-

Та же погоня за внешним эффектом проявилась и в стремлении наркомфина блеснуть во чтобы то ни стало бездефицитным бюджетом: бюджет сведен с превышением доходов над расходами в полтора миллиарда рублей. Но достигнуто это с помощью довольно несложного бюджетного фокуса, заимствованного, правда, Зверевым у его предшественника: поступления от займов просто зачислены в доход государства. Но поступления эти в текущем году должны превысить 8 миллиардов рублей при совершенно незначительных платежах в погашение займов прежних лет. Увеличение государственной задолженности достигнет поэтому за год почти 8 миллиардов, и бюджет фактически оказывается сведенным с дефицитом около 6½ миллиардов рублей. Дефицит этот сравнительно небольшой и при современном положении, может быть, неизбежный. Но вместо того, чтобы открыто признать этот факт, наркомфин тешит себя и ВС бюджетными сказками.

Секретничанье вообще переживает сейчас в Наркомфине период бурного расцвета. Опубликование бюджетных данных всегда ограничивалось в Советском Союзе довольно узкими рамками. Все-же из бюджетов прежних лет можно было почерпнуть сведения о всех значительных статьях государственных доходов и расходов. Казалось бы с введением новой, «самой демократической в мире» конституции публичность бюджета должна была быть расширена: ведь не напрасно публичность бюджета и бюджетные права парламента составляют во всех демократических странах основу парламентского режима. Но случилось обратное: закон о бюджете 1938 г. является громадным шагом назад по сравнению с бюджетами прежних лет. Принятый только что бюджетный закон сообщает только данные об общей сумме государственных доходов и расходов и о распределении их между Союзом, союзными республиками и местными бюджетами. Того, что составляет самое существо всякого государственного бюджета, — таблиц государственных доходов и расходов — в этом законе, как это ни невероятно, нет вовсе. Поэтому бюджет в сущности лишь формально можно считать опубликованным; по существу бюджет засекречен. Этот беспримерный факт (вот когда бы вспомнить: «где, в какой другой стране» и т. д.) бросает яркий свет на судьбы советского парламентаризма.

Доклад наркомфина, в котором сообщены были — очень неполно — данные о важнейших статьях государственных доходов и расходов, открывает, правда, возможность более пристального анализа государственного бюджета. В ближайшем номере «С. В.» вопросу о бюджете СССР будет посвящена специальная статья, и я не останавливаюсь поэтому сейчас на структуре доходной и расходной частей бюджета, в частности на играющих исключительную роль в бюджете поступлениях от налога на оборот (почти 3/4 всего доходного бюджета), носящего у нас особенно резко выраженный антисоциальный характер. Остановлюсь еще лишь на одной общей черте государственного бюджета СССР.

СССР — по букве конституции — федеративное государство. Но бюджетная власть сосредоточена здесь целиком в центральных (федеральных) органах Союза. Отдельные союзные республики, согласно их конституциям, правда, сами должны утверждать свои бюджеты, и постановления о бюджетных правах Верховных Советов разработаны в конституциях союзных республик даже значительно подробнее, чем в конституции СССР. Но все эти права носят призрачный характер. И когда в июле во всех союзных республиках состоялись сессии ВС, ни в одном из ВС вопрос о бюджете не был даже затронут. А общесоюзный парламент только что принял единый государственный бюджет, включающий в себя полностью и бюджеты союзных республик, и даже местные бюджеты. Это ли не предел централизма? При этом на долю бюджета Союза (в тесном смысле) приходится 73,5% всех бюджетных средств, на долю бюджетов союзных республик 6,4%,

---

но рассказывает Ваграмов о своем проникновении в ХТ.

Так постепенно произошел и завершился процесс оттеснения старых руководителей театра, процесс «осовечения» ХТ. Устоять под напором диктатуры было невозможно. Упираясь, ХТ шел на компромиссы и уступки, истекал, может быть, кровью, но демонстрировал и лойяльность, и преданность свою «нашему родному Иосифу Виссарионовичу», — получая взамен почетные звания, ордена и награды...

IV.

Схема приспособления МХАТ к требованиям власти в изображении режиссера Маркова рисуется в следующем виде: вначале довольствовались пьесами, отражающими революцию, затем потребовали обязательной советской тематики, наконец, пришел черед политическому спектаклю.

Но все это были уже «пройденные этапы», — говорит Марков. — «Перед театром встала задача создания социально философского спектакля, осмысливающего диалектику нашей жизни». И он возвещает: «Драматургия большой правды, идейной насыщенности и глубокой сценической простоты идет на смену», — иными словами, он возвещает приход нового Горького с его пьесой «Егор Булычев и другие».

Весьма любопытно, что как раз по поводу этого столь торжественно возвещенного спектакля в журнале «Театр и Драматургия» была напечатана статья некоего Пикеля, очень недовольного тем, что МХАТ столь «прекрасный урок политграмоты» (вот она, эта «философия диалектики»!), заключенный в пьесе Горького, «переключил в плоскость бытовой драмы». Прав ли Пикель или нет, но ясно, что новый Горький здания не увенчал и новой эры в советском театре не открыл. И по поводу всех этих 25 постановок за десятилетие 1924-34, удержавшихся на подмостках театра очень короткое время, — невольно вспоминаешь замечание Станиславского в его книге о ХТ: «Трагедия теперешнего театра революции, — писал он, исполненный самых печальных предчувствий, — заключается в том, что ее драматург еще не народился, а без него артистам и режиссерам делать нечего».

МХАТ прошел — относительно довольно благополучно, — через полосу «попутчиков», а затем и коммунистов, — но драматурга и репертуара у него все нет как нет. Усилия Горького не прибавили славы ни ему, ни театру. Литература, как и театр, в СССР не выходят из затянувшейся стадии оскудения. Луначарский незадолго до своей смерти призывал: «назад к Островскому и Чехову». Горький, почему-то отталкивавшийся от отечественных классиков, звал на выучку к Шекспиру. Но МХАТ с подрезанными крыльями уже, видимо, не в силах быль вновь подняться на те высоты, на которых вольно дышалось ХТ Станиславского. Искусство, лишенное воздуха свободы, чувствует себя раненой птицей, обреченной на прозябание.

Это ощущение обреченности МХАТ в сложившейся обстановке испытывают и отдельные проницательные

на долю местных бюджетов 20,1% (исчислено по расходному бюджету). Этот резко выраженный централизм мало благоприятствует развитию демократизма.

Централистическая тенденция отчетливо сказалась и в принятом ВС новом законе о судоустройстве. Но если стремление к крайнему централизму в вопросах бюджета носит ярко антидемократический характер, так как чрезвычайно усиливает власть бюрократии, то централизация в судебном деле в тех пределах, в каких она намечена в новом законе, имеет прогрессивное значение. Правда, речь идет здесь не столько о централизации судопроизводства (хотя и она сейчас усиливается), сколько о внесении единства в систему судоустройства, отличавшуюся до сих пор чрезвычайной пестротой. Судебная путаница будет сейчас значительно ослаблена, единство судебной практики до известной степени обеспечено.

Однако не эти, по преимуществу судебно-технические части реформы привлекли к себе наибольшее внимание ВС, а введение прямых выборов судей народом. До сих пор — по крайней мере, по букве закона — судьи избирались советами. Отныне они должны избираться на основе всеобщего и прямого избирательного права. Если бы речь здесь шла о действительно свободных всенародных выборах, введение прямых выборов судей можно было бы, может быть, приветствовать. Но в современных советских условиях, яркой иллюстрацией к которым явились недавние «парламентские» выборы, введение прямых выборов судей вместо избрания их представительным органом скорее усилит, чем ослабит зависимость судей от псевдо-коммунистического начальства. Введение прямых выборов судей носит поэтому скорее бонапартистски-плебисцитарный, нежели демократический характер. И этой тенденции отнюдь не противоречит стремление к упрочению порядка в судебном деле, нашедшее себе выражение в прочих — охарактеризованных выше — частях реформы.

Тяга к усилению централизма проявилась и в новом законе о советском гражданстве, вернее, о порядке приобретения и утраты гражданства СССР. В дебатах по поводу закона в ВС многочисленные ораторы с фальшивым пафосом пространно говорили о правах граждан Советского Союза, что собственно к теме совсем и не относилось. Но ни один из них не коснулся существа нового закона: для чего собственно понадобился новый закон о гражданстве? что нового в этом законе? И лишь докладчик Булганин, защищавший законопроект от имени правительства СССР (в состав которого он, кстати сказать, даже и не входит), был несколько откровенней. До сих пор право принятия в советское гражданство принадлежало «в ряде случаев» (?) облисполкомам. По новому закону предоставление советского гражданства сосредоточено в ВС СССР и союзных республик. Это последнее постановление, конечно, правильно, но не на этом сосредоточен пафос авторов закона. Булганин недаром подчеркнул, что новый закон «точно определяет», кто является гражданином СССР: «все, состоявшие к 7-му ноября 1917 года подданными бывшей Российской империи (почему не «российскими гражданами»?) и не утратившие советского гражданства, а также лица, которые приобрели советское гражданство за это время в установленном законом порядке». Речь идет об устранении возможности приобретения советского гражданства «в автоматическом (?) порядке». Повидимому, правительство СССР подготовляет почву для общей проверки гражданского состояния и «чистки» всех проживающих в Советском Союзе и ставших советскими гражданами бывших иностранцев. Что они утратили за эти годы свое первоначальное гражданство и восстановить его уже не могут, не будет приниматься во внимание. Недаром в новом законе подчеркивается существование «лиц без гражданства» (апатридов). Одновременно затрудняется и выход из советского гражданства подлинных граждан

советские писатели. «Жаль, если славные традиции МХАТ сотрутся, и он превратится в один из стандартных номеров управления зрелищными предприятиями», — с грустью замечает Леонов. И Олеша, говоря о Станиславском, как «о настоящем гении, прозрачном и чистом, как дитя», — в результате своего общения с театром не строит себе, видимо, иллюзий относительно возможностей его дальнейшего развития.

Как раз период возврата к классикам, — последний по времени период, — при новейшем «патриотическом» курсе сталинизма мог бы наметить некоторый выход из тупика. Но времена уже не те, и ХТ после всего пережитого уже не тот. А машина террора, пущенная Сталиным в ход с удесятеренной силой в последние годы, не может не задевать и непосредственно театра. Тот, кто, как Онегин у Пушкина, мог быть обозначен, как «почетный гражданин кулис», — ныне уже более не находится в чести. Достаточно назвать двух драматургов ХТ, коммунистов Киршона и Афиногенова, об'явленных врагами народа, или критика Пикеля, расстрелянного по процессу Зиновьева. В этих условиях не дано и помыслить о возрождении ХТ, о преодолении разрыва, о восстановлении культурной преемственности.

V.

Эти публицистические мысли о судьбе ХТ в эпоху большевизма хочется закончить одним вопросом общего порядка.

Так или иначе, на основании прямых и косвенных признаков можно придти к выводу, что в сущности говоря большевистской диктатуре удалось одолеть ХТ, подчинить его своей указке, навязать ему свои задачи, впрячь его в свою триумфальную колесницу, нивеллировать и «осоветить» это своеобразное, единственное в своем роде явление русского искусства. Если это так, то ведь отсюда можно придти к выводу, идущему гораздо дальше вопроса о судьбе ХТ.

Ведь в конце концов ленинская дилемма, пред'явленная миру: кто кого? относится не только к экономике и политике, но и к области культуры. Если большевикам все же удалось переделать на свой лад даже явление такого внутренне - автономного порядка, — как лучший продукт русской театральной культуры, — тогда уж, действительно, можно поверить в то, что им удастся осуществить весь свой замысел в его планетарном масштабе. Все это было бы так, если бы... если бы материал, которым мы располагаем, и наше знание о действительной жизни и работе ХТ в эпоху большевизма не давали другого ответа на этот вопрос.

Да, среди многих других ценностей «Октябрь» получил в наследство и лучший русский театр. Но какой убийственный результат духовного пленения, которому подвергнут ХТ! И этот ущерб, этот урон, нанесенный большевистской диктатурой русской культуре, — пришелся как раз тогда, когда проснувшиеся с революцией к культурной жизни широкие народные массы так остро нуждаются в свободном, независимом, духовном воздействии того высокого искусства, которым дышал ХТ первые двадцать лет своего существования.

СССР. В частности выход замуж за иностранца отнюдь не влечет за собой освобождения из советского гражданства и формально отнюдь и не облегчает его: для такого освобождения требуется в каждом отдельном случае особое постановление Президиума Верховного Совета СССР. Винт завинчивается все крепче.

Закон о государственном налоге на лошадей единоличных хозяйств переносит нас на другой полюс советского бесправия. В течение последних лет единоличные крестьянские хозяйства систематически удушаются: все государственные налоги и повинности налагаются на них в значительно более высоком размере, чем на соответственные хозяйства колхозников, а размеры землепользования единоличников все более суживаются и по последним данным (на 1-ое января 1938 г.) единоличники, составляя 7% крестьянских хозяйств, располагают лишь 1% крестьянской посевной площади, т. е. в среднем земельное обеспечение единоличников в семь слишком раз меньше, чем земельное обеспечение колхозников. Но единоличники имеют пред колхозниками одно преимущество: они имеют право на лошадь, и извоз и наем на работы с лошадью стали во многих местах основным источником существования единоличников. Сейчас, повидимому, решено эту отдушину заделать, т. е. окончательно задушить единоличников, чтобы «устранить отрицательное воздействие со стороны тех единоличников, которые ушли в спекуляцию, на отдельных неустойчивых колхозников» (докладчик по законопроекту Угаров в соединенном заседании обеих палат ВС). Наем на работу и извоз это и есть «спекуляция», которая «по существу дела нарушает интересы колхозников (?) и советского государства (?)». При этом Угаров оценивает доход единоличных хозяйств от лошади в 4-7 тысяч рублей в год и мечет громы по поводу гигантских размеров этих доходов. Цифрам этим впрочем он сам мало верит, иначе, поставив себе целью «покончить с использованием лошади в единоличных хозяйствах для спекуляции и наживы», он не предложил бы обложить хозяйства единоличников с одной лошадью налогом в размере от 275 до 500 рублей в год и на каждую следующую лошадь сверх первой установить налог в размере от 450 до 800 рублей в год. Но и от 4 до 7 тысяч на семью в год это при необходимости покупать хлеб для себя и корм для лошади по рыночным ценам (своего хлеба и своих кормов ведь почти нет) гораздо меньше, чем то, что имеют колхозники во многих хорошо поставленных колхозах. Постыдная болтовня о «спекулятивном» хозяйственном благоденствии лошадных единоличников это лишь демагогическое прикрытие для мероприятия, социально-политически и экономически вредного, но зато облегчающего возможность продолжать в отношении колхозного крестьянства злосчастную политику интегральной коллективизации лошадей.

Недостаток места не позволяет мне остановиться на прочих — менее значительных — постановлениях ВС (о порядке ратификации и денонсирования международных договоров СССР, об отсрочке — во второй раз — на год всесоюзной сельско-хозяйственной выставки, о выборах Верховного Суда, об утверждении новых областей). Но нельзя обойти молчанием перегруппировку правительства СССР, о которой было доложено ВС и которая получила его одобрение. Из состава избранного в январе Совнаркома СССР за истекшие 7 месяцев «выведены» наркомы железнодорожного и водного транспорта, машиностроительной и пищевой промышленности и заготовок. Вместо них было назначено несколько новых наркомов (и два наркомата были переданы в заведывание по совместительству Кагановичу и Ежову). И устраненные, и новые наркомы все мало известные чиновники, без всякого политического значения. Но за истекшие месяцы исчезли с политической сцены и некоторые из наиболее видных членов правительства: это заместители председателя Совнаркома Косиор (он же председатель Комиссии Советского Контроля) и Чубарь и наркомзем Эйхе (первые два — члены Политбюро ЦК ВКП, Эйхе — кандидат в члены Политбюро). Но об их отстранении (и, вероятно, аресте) в ВС не было сказано ни слова. И лишь утверждение (почему не избрание?) Кагановича заместителем председателя СНК с сохранением им постов наркомтяжпрома и наркомпути напомнило о судьбе Косиора и Чубаря. Но никто не спросил, почему их нет в правительственной ложе и что им собственно ставится в вину. Их имена не были даже произнесены.

Сумерки советского парламентаризма продолжаются.

И. ГРЕКОВ.

ЗАМЕТКИ

«В ШТЫКИ ЗА ТОВАРИЩА СТАЛИНА!»

Бои вокруг Заозерной закончены. Трупы убитых закопаны. Раненые и искалеченные развезены по госпиталям. Кровь, обильно полившая землю, начинает подсыхать. Тишина — надолго-ли? — вновь спустилась на сопки и озера. Самое время выступить всем без лести преданным и жаждущим выдвижения, чтобы истошным фальцетом провозгласить славу все тому-же гениальному, великому, недосягаемому подателю всех благ и всех побед — побед над японцами так же, как побед над Арктикой и вошью сыпного тифа. От тебе тебе твоя приносяща...

«За товарища Сталина, в штыки за мной, ура!» — с этим возгласом «ответственный секретарь партийного бюро полка Иван Машляк», заменивший убитого командира роты, повел бойцов в аттаку на вершину сопки (см. «Правда», 25 августа). Ну, и конечно — «японцы не выдержали» и «скатились на противоположный склон сопки».

«В штыки за товарища Сталина»... Можно было подумать, что это просто дурацкое «переусердие» собственного корреспондента сталинской газеты. Но нет. Через три дня (см. «Правда», 28 августа) непосредственный участник боев, капитан Стеженко, подтверждает: «С криками: «Ура! Да здравствует великий Сталин!» бойцы стремятся вверх по крутым склонам сопки». И опять-таки: «Враг не выдержал — сопка наша!»

Самое имя Сталина стало, очевидно, для всех врагов и супостатов столь-же страшным, как слово «жупел» для московской купчихи! Можно было бы просто посмеяться над этим новым рекордом «подхалимажа», если бы не было тут достаточно причин для более серьезной и тревожной реакции.

Можно-ли себе представить, чтобы якобинские войска Великой Французской Революции шли в бой «за граж-

данина Робеспьера» или чтобы красноармейцы эпохи гражданской войны бросались в штыки «за товарища Ленина»? Но солдат Наполеона уже вели в битву с криком «да здравствует император!», как солдат кровавого германского диктатора будут гнать в аттаки с возгласом «Хейль Гитлер!». Как-же надо было замордовать и опоганить Великую Русскую Революцию, чтобы осмелиться и войска этой революции бесчестить лозунгом «Хейль Сталин»?

Дело, однако, не только в бесчестьи. В писаниях «собственных корреспондентов» и рапортах жаждущих выдвижения участников боя от зычных возгласов Машлякова, как от рева иерихонской трубы, падают немедленно все стены вражеских укреплений. Но кто поверит, что не за великие идеи, не за великие цели экономического, социального и политического освобождения, а «за товарища Сталина» захотят умирать миллионы советских рабочих и крестьян? Кто поверит, что их и десятки миллионов рабочих и крестьян всего мира лозунгом «Хейль Сталин» можно воодушевить на героические подвиги в том кровавом бою, который накликает на человечество фашизм под лозунгом «Хейль Гитлер»?

«В штыки за товарища Сталина!» — поистине трудно придумать более «пораженческий» лозунг!

ВЫСОЧАЙШИЕ РЕЧИ.

«Лучше катехизиса не скажешь, катехизис самим святейшим синодом одобрен», любил говаривать законоучитель одной из петербургских гимназий, требовавший, чтобы ученики, не мудрствуя лукаво, зубрили этот самый катехизис, отнюдь не дозволяя себе ни своих собственных слов, ни тем паче своих собственных мыслей.

Не скажешь и лучше Сталина. Это давно уже усвоили себе советские публицисты и советские ораторы, не только сводящие всю свою печатную и устную прозу к повторению «мыслей» великого вождя народов, но старающиеся и самые эти «мысли» высказывать не иначе, как точными цитатами из его писаний и речей.

От публицистог и ораторов не отстают и целые организации. И вот, в лозунгах ЦК Комсомола к 24-му Международному Юношескому Дню (см. «Правда», 30-го августа) мы читаем: «Болтайте поменьше, работайте побольше, — и дело у вас выйдет наверняка (Сталин)». Или: «Будьте достойными сынами и дочерьми нашей матери — Всесоюзной Коммунистической Партии! (Сталин)». Или еще — особо глубокая мысль: «Да здравствует советская молодежь! (Сталин)».

Как видим, Косарев, генеральный секретарь Комсомола, охулки на руку не кладет! Но почему-то вспомнился нам при чтении его «лозунгов» изданный в 1906-7 году «Сборник речей Государя Императора Николая II-го». «Речи» отличались такою-же глубиною содержания, как цитированные Косаревым «лозунги»: «Пью за здоровье Кексгольмского полка!» «Да здравствуют молодцы-фанагорийцы!». Но была все-же разница: «Речи» были изданы врагами самодержавия и царским правительством тотчас-же по выходе их в свет конфискованы. Сталинские-же «лозунги» публикуются услужливыми друзьями самодержца и его-же аппаратом распространяются в миллионах экземпляров.

Но что поделаешь? «Подхалимажное» усердие границ не знает! Кто в этом еще сомневается, пусть заглянет в отчет о совместном заседании Совета Союза и Совета Национальностей от 21 августа («Правда», 23 августа). Во время речи депутата Цицина величайший гений всех времен и народов в первый и единственный раз за всю сессию Верховного Совета раскрыл рот, чтобы спросить: «Как у вас идет работа по созданию новой культуры многолетней пшеницы?» И этого гениального выступления оказалось достаточно, чтобы, как отмечает отчет, весь зал разразился «бурными продолжительными аплодисментами»!

Что тут поделаешь и что скажешь? Аплодисменты переходят в бурную овацию, подхалимаж — в несосветимую глупость: так, очевидно, уж полагается, так было и так будет, — пока сегодняшний «вождь» не свалится в яму, после чего каждый сегодняшний подхалим сочтет долгом и свое копыто пустить в ход...

В РОТ ХМЕЛЬНОГО НЕ БЕРУТ...

Под заглавием «Новые люди трех наркоматов» «Известия» (28 авг.) рассказывают о состоявшемся в их редакции «совещании новых работников Наркомлегпрома СССР и Наркомземов СССР и РСФСР».

Из этого рассказа мы узнаем, во-первых, что «за последнее время на руководящую (заметьте: р у к о в о д я щ у ю!) работу в наркоматы и хозяйственные организации выдвинуты т ы с я ч и новых людей». И мы узнаем, во-вторых, что, вместо того, чтобы «руководить», эти люди, занявшие «высокие посты в государственном аппарате», жалобно скулят, что и м не помогают, и м и не руководят, о н и х не заботятся. Взялись «руководить», а сами вопиют, что ими никто «не руководит»!

Вновь назначенный заместитель начальника Главного строительного управления Наркомлегпрома Шорин «так и не понял, за что ему надо браться в первую очередь». Новый начальник отдела кадров и зарплаты первого Главного московского хлопчато-бумажного управлений Сухотин горько плачется, что «никто в наркомате не подумал вызвать его». Новый заведующий клеверным отделом Главльна НКЗ СССР Рывин рассказывает, как начальство, изможденное длящимися «до шести утра» заседаниями, по-просту засыпает во время деловых докладов «новых людей». А сами эти «новые люди», как показал «тов. Бадирьян из Наркомзема СССР», ничего, кроме газет, не читают, не только за иностранной, но и за советской литературой по своей специальности не следят, работать над собою перестают и лишь «днюют и ночуют в учреждении, плодят бумажки».

Спрашивается: каково-же должно быть качество работы хозяйственного, административного, военного и т. д. аппарата,, в котором внезапно т ы с я ч и «высоких постов» оказываются замещенными людьми, которые к порученному им делу непригодны и, вместо того, чтобы «руководить», сами нуждаются в руководстве? И почему-же таких явно неподготовленных людей назначают на «высокие посты», не давая им предварительно возможности приобрести знания и навыки, нужные для занятия этих постов? Но что-же делать, если «чистка» обезлюдила всю верхушку («тысячи»!) государственного аппарата? И кем заместить расстрелянных, арестованных, сосланных и просто вычищенных, если не теми, кто горло, быть может, немножечко и дерет, но зато уж в рот оппозиционного... то бишь: хмельного не берет? А по этой части «новые люди» как будто стоят «на высоте»: что им делать, как руководить, — этого они так и не поняли; а вот, что «нет конкретного плана ликвидации последствий вредительства», — это они сразу усмотрели, о «большевист-

ТОВАРИЩ, ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ!

ском руководстве наших передовых наркоматов — НКПС, Наркомтяжпрома (читай: Каганович) и Наркомвода (читай: Ежов)» сразу заскучали!

Теперь понятно, почему и зачем их на «высокие посты» назначили. Но понятно и то, почему и зачем они на эти, оказывающиеся им еще не по плечу, посты пошли. Тот-же «тов. Бадирьян из Наркомзема» об'ясняет нам это, не моргнув глазом: «нам, советским людям, воспитанным комсомолом, партией, чужд карьеризм»...

Стаханов и стахановская годовщина

Третья годовщина стахановского движения была отпразднована очень тихо. Итоги трехлетних усилий по применению нового «метода» отнюдь не оправдали возлагавшихся на стахановщину надежд, и шумное торжество только подчеркнуло бы громадное несоответствие между этими надеждами и действительностью.

В день годовщины «Правда» поместила статью главного виновника торжества. Алексей Стаханов пытается настроиться по случаю юбилея на торжественный лад: «Мы сталинские ученики. Каждый стахановец с гордостью носит это высокое звание». И т. д., и т. д. Но вот автор переходит к фактам и невольно впадает в элегический тон. В июле с. г. он посетил родной Донбасс и побывал и на шахте им. Сталина, бывш. «Центральная-Ирмино», которая была колыбелью стахановского движения. «Стыдно сказать, но на шахте, где возникли новые методы труда шахтеров, только 20 забойщиков работают спаренно с крепильщиками. Остальные сами рубают и крепят». Но и еще более грустные вещи наблюдал Стаханов на шахте. Он встретил здесь своего старого приятеля Позднякова, который 3 года назад первый после Стаханова поставил замечательный рекорд и выдвинулся в качестве выдающегося стахановца. Сейчас он просто оказался за бортом. Но предоставим слово Стаханову:

«...Теперь я встретил огорченного Позднякова на шахтном дворе: **он уволен.** Оказывается, этого прекрасного забойщика с золотыми руками уже долгое время держат на участке, где сейчас из-за геологических условий можно добыть очень мало угля. Хорошему мастеру там нечего делать. Человек, который может вырубать десятки тонн за смену, поставлен на участок, где он не может применить своего мастерства и уменья. **Заработок его снизился до 3 рублей за смену.** Поздняков **попросил** перевести его на другой участок. **В результате его уволили».**

Если такой мастер, как Поздняков, зарабатывает три рубля в смену, сколько же зарабатывает средний рабочий на этом злосчастном участке? Характерно для душевного состояния сегодняшнего Стаханова, давно уже не рабочего, а студента Промакадемии и в близком будущем, конечно, крупного хозяйственника, что этот вопрос его просто не занимает, он его даже не замечает и возмущается лишь тем, что выдающегося стахановца заставляют работать на таком плохом участке. Как не замечает Стаханов и чудовищности того факта, что рабочий за просьбу о переводе на лучшую работу просто выкидывается за ворота.

«Правда» в передовой в том же номере подчеркивает отмеченные Стахановым факты и с своей стороны добавляет, что сведения о неблагоприятных итогах применения стахановского метода поступают из предприятий самых различных отраслей промышленности. Но зато «стахановское движение стало прекрасной школой воспитания организаторов, хозяйственных и государственных деятелей». — Результаты этого «воспитания» мы только что видели на примере самого Стаханова. А ведь всего лишь три года назад это был хороший тип энергичного, рвущегося вперед рабочего. Спору нет, стахановское движение облегчило значительному числу способных рабочих подняться из рядов рабочего класса, стать «организаторами, хозяйственными и государственными деятелями» и — это в наших условиях оказалось неизбежным — оторваться от рабочих масс. Это, может быть, отвечало их личным интересам, но отнюдь не интересам рабочего класса.

Ст.

К международной дискуссии о борьбе за демократию

О. ДОМАНЕВСКАЯ.

Обсуждение вопроса о «борьбе за демократию», поставленного Рабочим Социалистическим Интернационалом перед социалистическими партиями, будет иметь, несомненно, положительные для международного рабочего движения результаты. В особенности, если это обсуждение не ограничится только принципиальной трактовкой проблемы, а будет направлено к выработке правильной линии практической политики международного пролетариата при разрешении стоящих перед ним основных задач: борьбы против фашизма и реализации социализма.

*

Проблема демократии на данной исторической стадии неразрывно связана с проблемой фашизма.

Пролетариат, который всемерно заинтересован в защите и сохранении политических форм демократии для обеспечения своих личных и гражданских прав и возможностей классовой борьбы, в своей борьбе за демократию роковым образом наталкивается на противодействие анти-демократических, порождаемых фашизмом тенденций.

Опыт пятилетия, протекшего со времени германской катастрофы, подтвердил правильность анализа тенденций исторического развития, причин возникновения и экспансии фашизма и краха демократии, который давался революционным марксизмом.

«Универсальность» фашизма убедительно доказывается на примерах все увеличивающегося числа фашистских и полуфашистских стран, на систематическом проникновении фашистских тенденций в страны «демократические». Универсальность фашизма является естественным выражением универсальности причин, его порождающих и обусловливающих его всеобщее распространение, — и с этой универсальностью связана также непрочность существования демократических систем.

Фашизм является политически адекватной формой последней стадии перезрелого капитализма, исчерпавшего свои прогрессивные динамические возможности. Современная общественная система, парализующая развитие производительных сил, порождающая перманентные хозяйственные кризисы, ведет одновременно и к разрушению колоссальных экономических рессурсов и к подрыву возможностей существования широких слоев населения. Десятки миллионов пролетарских масс выбрасываются систематически из производственного процесса, и эта колоссальная армия безработных не сокращается существенно даже в периоды хозяйственного под'ема. В то же время разорение промежуточных слоев — крестьянства и мелкой городской буржуазии — создает ту социальную среду, которую демагогически использует крупный капитал в своей борьбе против рабочего класса и социализма, совершая фашистский переворот.

Неразрешимость социально - экономических противоречий современной стадии капитализма неизбежно толкает господствующие классы к тому, чтобы поставить на место демократического политического строя — характерного для класси-

ческой эпохи капиталистического развития — систему авторитарного господства, открывающую неограниченные возможности эксплуатации. Не будучи в состоянии справиться с разрушительными силами, порожденными капиталистическим развитием, в обычных формах, буржуазия пытается найти выход в переходе к государственному капитализму и в политических формах фашистской диктатуры.

Именно эта неразрывная связанность между социально-экономическими причинами возникновения фашизма и политическими формами, в которых он выявляется, предопределяет задачи и методы пролетарской борьбы.

Фашизм возникает, развивается и побеждает, поскольку капитализм зашел в безнадежный тупик и не сменяется социалистическим строем, и в то же время фашизм не может выполнять преследуемых им целей иначе, чем в диктаторских формах. Поэтому пролетариат не может расчитывать на возможность сохранения демократических форм, если он не уничтожит основных причин, порождающих фашизм, если ему не удастся овладеть властью и ликвидировать отживший строй. Тогда как на предыдущей стадии капиталистического развития программа - минимум могла стать исходным пунктом для защиты пролетариатом его интересов и для его дальнейших социальных завоеваний, в настоящее время, не осуществив программы - максимум, пролетариат оказывается не в состоянии удержать и того минимума достижений, который он имел до сих пор. Как показал опыт германской катастрофы, как подтвердил опыт последних пяти лет, пролетариат в своей борьбе не может останавливаться на полпути. Фашизм или социализм — такова дилемма, стоящая перед международным пролетариатом.

Необходимость осуществления социализма принудительно диктуется и всей международной обстановкой. Вне ликвидации капиталистического строя, вне овладения пролетариатом властью, невозможно избежать той ужасающей катастрофы, какую несет мировая война, очаги которой уже разгораются в различных концах земного шара. Развитие последних лет показало и в области международной, что никакие демократические учреждения, вроде Лиги Наций, не в состоянии разрешить проблемы войны и мира, пока эти учреждения являются представителями капиталистических государств. В то же время, не обладая властью, пролетариат не в состоянии проводить своей самостоятельной военной политики, и логикой положения он толкается в фарватер политики так называемых демократических стран. Но было бы роковой и для судеб социализма, и для сохранения мира ошибкой, если бы международный пролетариат взял на себя политическую ответственность за военную политику демократических стран, которая в конечном счете определяется империалистическими интересами их господствующих классов. Опыт военных конфликтов последних лет показал, что ряд демократических стран не только не оказал сопротивления фашизму, но, наоборот, пошел на соглашение с ним, предавая интересы и революционных и национально-освободительных движений. Только овладение пролетариатом властью открывает возможности предотвращения или прекращения в кратчайший срок мировой войны, поскольку интернационалистская политика социалистических стран сумеет развязать революционное движение угнетенных фашизмом народов.

❦

Борьба за осуществление социализма должна быть поставлена в порядок сегодняшнего дня международного рабочего движения, без чего пролетариат окажется не в состоянии ни преодолеть фашизма, ни предотвратить военной катастрофы. Этой высшей цели должна быть подчинена вся деятельность рабочих организаций, вся текущая борьба рабочего класса.

Такая постановка вопроса не тождественна с максимализмом, отказом от выдвигания частичных требований, но она означает, что борьба за эти требования должна вестись таким образом, чтобы она не принимала самодовлеющего характера, а являлась бы средством для вовлечения в борьбу широких масс и для перевода движения на более высокую ступень, — без чего, как показывает историческое развитие, нет возможности сохранить и этих частичных завоеваний.

В то время, как об'ективные условия осуществления социализма не только созрели, но даже «перезрели», реализация социализма встречает огромные трудности в суб'ективной неподготовленности пролетариата, в его неверии в собственные силы, в недостаточной активности, в неспособности до сих пор преодолеть свой внутренний раскол. Пролетарские организации, как национальные, так и интернациональные, должны поэтому направить все свои усилия на активизацию рабочего движения, на развязывание боевой энергии пролетариата и широких масс трудящихся, на расширение социальной базы революционного движения путем вовлечения в него крестьянства и мелкой городской буржуазии.

В настоящее время диалектика развития приводит к тому, что роль революционизирующего и организующего массы фактора может сыграть, и в некоторых странах уже играет, борьба за демократию. Но и в этих условиях, как показывают формы этой борьбы в различных странах, борьба за демократию утверждает свой внутренний смысл, лишь связываясь с конечными целями пролетарской борьбы.

❦

В **фашистских** или **полуфашистских** странах, где тоталитарный строй нарушает самые элементарные человеческие и гражданские права, где, уничтожив все политические свободы, капитализм имеет неограниченную возможность эксплуатации связанного по рукам и ногам рабочего, социальная борьба упирается непосредственно в борьбу за политическое освобождение, за восстановление политических форм демократии. Без свободы слова, собраний, печати, без свободы организаций, пролетариат не в состоянии сколько-нибудь успешно защищать свои классовые интересы. Но борьба даже за самые элементарные демократические права в условиях фашизма становится борьбой революционной, так как она направлена против самих устоев фашистской системы. Эта борьба имеет тенденцию увлечь за пролетариатом и средние слои, значительная часть которых убеждается в том, что фашизм не сдержал своих демагогических обещаний, и что для защиты их личных прав и материальных интересов они нуждаются в политических свободах и демократических учреждениях. В этой борьбе пролетариат может имет за собой даже элементы социально ему чуждые, но отброшенные во враждебный фашистскому режиму лагерь вследствие претерпеваемых ими религиозных или расовых преследований.

В чрезвычайных условиях фашистских или полуфашистских стран, где всякое политическое выявление влечет за собой жесточайший террор, борьба за демократию, стремящаяся опереться на возможно более широкие слои населения и направленная к максимальному развязыванию активности масс, принимает неизбежно динамический революционный характер. Но эта борьба сможет привести к окончательной победе над фашизмом и парализовать возможность его возрождения только тогда, если она будет одновременно разрушать ту капиталистическую систему, из которой фашизм вырастает. Поэтому рабочие партии должны вести борьбу за демократию таким образом, чтобы вскрывалась связь между политическими формами строя и его социальной базой, чтобы движение не остановилось лишь на свержении фашизма и восстановлении демократии, а чтобы были созданы условия для овладения пролетариатом властью и для построения социализма.

В значительной части **демократических стран** пролетариат и широкие массы трудящихся находятся в состоянии постоянной самообороны против попыток фашистского переворота, подготовляемого крупным капиталом. Ведя наступление одновременно и по линии социально-экономической и по линии политической, крупный капитал стремится к захвату в свою пользу значительной части национального дохода за счет рабочего класса и средних слоев, и в то же время, чтобы парализовать возможность противодействия своим планам, он добивается урезывания политических прав населения и выхолащивания реального содержания из существующих демократических учреждений. Именно это всестороннее наступление воинствующей буржуазии дает пролетариату возможность увлечь за собой в движении «Народного Фронта» также и средние слои. Но, как показала уже практика этого движения, оно может сохранить свою действенную силу и дать реальные результаты только тогда, когда оно не ограничивается консервативными целями охраны существующих демократических форм, а направлено к заполнению формальной оболочки новым социальным содержанием. При правильной политике рабочих партий «Народный Фронт» может стать рычагом, расшатывающим буржуазный строй. На повседневном опыте функционирования формальной демократии, на практике превращения ее крупной буржуазией в орудие своего классового господства, рабочие партии могут демонстрировать перед широкими массами трудящихся и промежуточными слоями мелкой буржуазии всю недостаточность современной политической системы для удовлетворения их насущных интересов, всю необходимость коренного изменения существующего социального строя. Постоянное обострение классовых антагонизмов и политическая активизация широких масс создают условия, при которых борьба за демократию может перерасти в революционную борьбу против капиталистической системы.

❦

Если в странах капиталистических, как фашистских, так и демократических, борьба за демократию должна мобилизовать боевую энергию масс для разрушения самой социальной системы, то в странах, вступивших на путь социальной революции , или же осуществляющих социалистическое строительство, эта борьба должна быть направлена, наоборот, не на подрыв основ нового строя, а на их максимальное укрепле-

ние. В этих странах борьба за демократию подчиняется высшим целям социалистического строительства.

Применение принципов политической демократии претерпевает неизбежно ограничение в странах **совершающейся революции**, где происходит процесс ликвидации капиталистического строя, и где трудящиеся массы, борясь за свое политическое освобождение, создают режим «революционной диктатуры» или «диктатуры пролетариата». Развертывающийся перед нашими глазами испанский опыт, — который не может рассматриваться, как исключение, а, несомненно, характерен для всей современной эпохи — является яркой иллюстрацией ошибочности реформистских построений о возможности перехода к социализму с соблюдением норм формальной демократии. Непримиримость буржуазии, опирающейся на поддержку всего международного капитала, применяющей чудовищные по своей жестокости средства борьбы, требует от революционного руководства железной непреклонности в сопротивлении, максимальной твердости и решительности в проведении всех мероприятий, которые могут укрепить революционные силы и обеспечить победу над классовым врагом. Поэтому в условиях гражданской войны борющийся пролетариат вынужден прибегать к мерам ограничения политических свобод, к диктаторским методам управления.

Однако, эти методы, применяемые революционным народом, принципиально отличаются от подавления свободы в фашистских странах, поскольку там они являются орудием закрепления господства ничтожной кучки эксплуататоров, тогда как в условиях революционной диктатуры, они представляют средство защиты интересов подавляющего большинства трудящихся против их классового врага. Те или иные ошибки революционного руководства в процессе испанской революции являются печальным результатом тех огромных трудностей, с которыми неизбежно столкнется социалистическая революция всех стран. Эти ошибки несомненно ослабляют революцию, и рабочие партии должны направить свои усилия на их преодоление, но наличие этих эксцессов не должно препятствовать правильному пониманию основных тенденций, которые в диктатуре пролетариата заложены. В своей социальной целеустремленности диктатура пролетариата строится — и не должна строиться иначе — на максимальном развязывании революционной энергии масс, на активном вовлечении их в революционную борьбу, так как только эти условия обеспечивают скорейшую победу и возможность укрепления нового строя. И тот же испанский опыт, действительно, показывает, что, несмотря на эксцессы, порожденные трудностью борьбы и столкновением различных тенденций внутри рабочего класса, революционная диктатура, закладывающая основы социальной демократии, сумела пробудить максимальную боеспособность масс и вызвать у них безграничную преданность делу революции.

Иначе, чем в капиталистических странах, стоит также вопрос о борьбе за демократию в **Советской России**, стране, вступившей на путь социалистического строительства. Советская Россия, в которой ликвидированы капитализм и капиталистические классы, и социально господствующим классом является рабочий класс, представляет по своей социальной сущности строй «социальной демократии», первый этап по пути осуществления социализма. Противоречие современного советского строя заключается, однако, в том, что социальная демократия не получила своего завершения в политической демократии, и несмотря на признание советским правительством ее необходимости и несмотря на ее формальное установление, — на практике сохраняются формы диктаторского управления. Между тем в современных условиях Советской России действительная демократизация всей политической системы, построенная на широкой самодеятельности масс, на максимальном развязывании их политической активности, является единственным реальным средством борьбы против процессов перерождения режима, против его бюрократизации, против произвола и террора, сотрясающего всю систему и вносящего дезорганизацию во всю жизнь страны. Преодоление этих отрицательных сторон режима через его демократизацию способствовало бы скорейшему переходу строя на более высокую ступень социалистического строительства и устранило бы основную угрозу существованию самого советского строя. Но в той исключительно трудной международной обстановке, в которой находится сейчас Советская Россия, борьба за демократизацию режима должна подчиняться высшей задаче — сохранения Советской России, как авангарда социалистического строительства.

*

При различии конкретных задач, которые борьба за демократию может ставить перед пролетариатом различных стран, общим для них всех является создание наиболее благоприятных условий для борьбы с фашизмом, для развязывания социалистической революции и для укрепления социалистического строительства там, где оно уже началось. Однако, чтоб поставленные цели были в действительности достигнуты, чтобы усилия пролетариата не оказались бесплодными, необходима одновременная внутренняя реорганизация самого рабочего движения, направленная на преодоление обессиливающих его центробежных тенденций. Пролетариат сможет успешно выполнить свою роль гегемона в социальной борьбе, увлекающего за собой колеблющиеся промежуточные слои, только тогда, если он будет опираться на непоколебимый блок спаянных единой волей к действию пролетарских масс. И наоборот, реальный успех пролетарской акции совершенно немыслим в условиях раздробления и распыления сил рабочего класса. Пролетариат должен извлечь уроки из истории последних лет.

Если в Германии раскол и междуусобная борьба внутри рабочего класса открыли дорогу Гитлеру к власти, то опыт Испании и Франции показал, с другой стороны, что единый пролетарский революционный фронт может воздвигнуть непроходимый барьер против фашизма. Беспримерное по героизму сопротивление революционной Испании интернациональному фашизму возможно было лишь в условиях единства рабочего класса — его профессиональных и политических организаций, — подчиняющего в конечном счете свои, часто весьма острые, разногласия высшим целям революционной борьбы и увлекающего за собой в этом едином порыве также и средние слои. Также и во Франции об'единение профессиональных организаций и соглашение об «единстве действий» между социалистической и коммунистической партией настолько укрепили мощь французского пролетариата и его морально-политический престиж, что он сумел повести за собой в «Народном Фронте» широкие слои мелкой буржуазии и отбить натиск фашизма, победа которого до этих процессов об'единения рабочих классов казалась почти неизбежной.

Но единство пролетариата, обусловливающего единство пролетарской акции, не должно ограничиваться национальными рамками, необходимо одновременно и международное единство пролетариата. Об'единенному блоку фашистского интернационала должен быть противоставлен единый многомиллионный пролетарский интернационал. Это единство должно быть неразрывно связано также с международной солидарностью мирового пролетариата. Интернациональная солидарность фашизма, который поддерживает свои отдельные отряды в их наступлении против революционного пролетариата, требует соответствующей реакции международного пролетариата, который должен поддерживать всеми находящимися в его распоряжении средствами революционную борьбу пролетариата отдельных стран против фашизма.

*

Выдвигая в современных условиях задачу борьбы за демократию, как средство самообороны против сил реакции и фашизма, как действенное орудие в подготовке социального освобождения пролетариата, — и отдельные социалистические партии в национальных рамках, и РСИ, как интернациональное об'единение, должны в первую очередь направить свои усилия на реализацию пролетарского единства. Только об'единение политических и профессиональных организаций, только единство пролетарской акции сможет создать те необходимые условия, которые позволят пролетариату выполнить стоящие перед ним исторические задачи.

ПОМНИТЕ О СТРАШНОЙ НУЖДЕ ССЫЛЬНЫХ И ЗАКЛЮЧЕННЫХ

ЗАГРАНИЦЕЙ

К СУДЬБАМ НАРОДНОГО ФРОНТА ВО ФРАНЦИИ.

Речь о необходимости придать, в интересах поднятия обороноспособности страны, бóльшую «гибкость» законодательству о 40-часовой рабочей неделе, произнесенная 21 августа главой французского правительства, поставила на дыбы весь рабочий класс Франции, все рабочие организации, политические и профессиональные.

Не самое существо мыслей, высказанных Даладье, вызвало возмущение и негодование рабочих. Их организации и газеты указывали, правда, что во Франции имеется еще до 400.000 безработных; что многочисленные промышленные предприятия не используют даже предоставленных им законом 40 часов, а работают лишь 30, а то и меньше часов в неделю; что пониженная производительность французской промышленности об'ясняется зачастую ее техническою отсталостью, устарелостью оборудования, нерациональной организацией работы и т. п.; что поэтому имеется еще весьма много способов для поднятия производства и помимо удлинения рабочей недели. Но в принципе против мысли о необходимости нести известные «жертвы» в интересах поднятия обороноспособности страны и вместе с ее обороноспособностью шансов на сохранение мира — рабочие организации не возражали. Наоборот, они напоминали, что давно уже не только на словах, но и на деле доказали свою готовность к таким жертвам, и что с их согласия правительство давно уже было вооружено возможностью придавать законам о 40-часовой неделе «гибкость», поскольку то действительно необходимо в общих интересах страны.

Но возмущение и негодование рабочих вызвали условия, в которых была произнесена речь, ее тон и явная «односторонность» как в констатации причин, вызывающих пониженную производительность, так и в поисках путей к ее поднятию. В самом деле: вопреки традиции всех без исключения правительств Народного Фронта впервые возвещение новых, и притом ограничительных, мероприятий в области рабочего законодательства состоялось не только без всякой попытки предварительно договориться о существе этих мероприятий с рабочими организациями и партиями Народного Фронта, но даже без всякого осведомления их; впервые речь главы правительства звучала прямым обвинительным актом против всего социального законодательства Народного Фронта; и впервые это законодательство изображалось, как не то что главная, а как единственная причина той опасности, которой подвергается страна вследствие отставания ее оборонной и общей промышленности от промышленности фашистских стран, — с полным умолчанием о таких, гораздо более существенных причинах этого отстаивания, как отсталость промышленной организации Франции и, особенно, массовое бегство французских капиталов заграницу. Правда, в оправдание своего поведения капиталисты и их апологеты ссылаются на то, что введенные первым правительством Н. Ф. (правительством Леона Блюма) социальные законы делают мало выгодным производительное употребление капиталов во Франции. Но, если бы даже это было и так (а статистика дивидендов и прибылей промышленных предприятий за последние два года показывает, что это далеко не так!), то рабочим во всяком случае остается совершенно непонятным, почему это правительство, да еще правительство, именующееся правительством Н. Ф., может во имя «патриотизма» требовать от рабочих «жертвы» временем, трудом, здоровьем, не требуя в то же время во имя того-же патриотизма от капиталистов гораздо более легкой жертвы — частью их громадных прибылей.

Рабочие имели таким образом достаточно оснований, чтобы — вместе с двумя министрами кабинета Даладье, Фроссаром и Рамадье, — понять речь главы правительства, как выражение намерения порвать с той социальной политикой, которая наиболее энергично проводилась правительством Блюма, но которая входила непременной составной частью в общую программу Народного Фронта, — и их могло лишь укрепить в этом убеждении то восторженное одобрение, сопровождаемое усилением злобных нападок на «марксистов», ражигающих-де «эгоизм» рабочих, каким была встречена речь Даладье организациями и печатью предпринимателей. И надо прибавить, что та программа конкретных мероприятий, которая была выработана на заседании Совета министров 30 августа (проекты декретов о 100 дополнительных сверхурочных часах и об «упрощении» процедуры пользования сверхурочными работами, с одной стороны, закона, нормирующего в сторону понижения оплату этих работ, с другой), менее всего была способна успокоить тревогу рабочих...

Но, помимо вопроса о социальной политике, речь Даладье поставила в порядок дня и вопрос обще-политический. Ликвидацию социальной политики Леона Блюма, вызывающую единодушное возмущение рабочих, никак нельзя проводить в сотрудничестве и союзе с рабочими партиями и организациями. Это немедленно-же было подчеркнуто уходом в отставку Фроссара и Рамадье. И хотя их заменили на постах министров общественных работ и труда члены того же Республиканско-Социалистического Об'единения, Монзи и Помарэ, но на деле это означало замену двух членов этой промежуточной организации, по своему прошлому и по своим взглядам наиболее тесно связанных с рабочим движением и социализмом, двумя другими, у которых эта связь минимальна, если не равна нулю. Какими «умеренными» социалистами ни были Фроссар и Рамадье, практически их уход был равносилен очищению кабинета Даладье от его двух последних социалистических членов. Выступление Даладье должно было быть истолковано при таких условиях, как желание порвать не только с социальной политикой Народного Фронта, но с политикой Н. Ф. вообще и опираться в парламенте на новое большинство, преображенное слева отсечением социалистов и коммунистов, а справа вовлечением сил буржуазного консерватизма и реакции. И что такое толкование не было лишь плодом ослепления, а то и злостной демагогии социалистов, — о том опять-таки свидетельствовал, как нельзя более убедительно, восторженный хор приветствий по адресу Даладье со стороны всех тех, для кого он еще так недавно был «палачем», расстрелявшим «патриотов», шедших 6-го февраля 1934 года на штурм палаты, а потому «общественным врагом № 1», самое имя которого такая газета, как «Тан», осыпающая его ныне похвалами, поклялась никогда впредь на своих столбцах не упоминать...

Но именно политический характер кризиса помешал успеху задуманного маневра. Было слишком очевидно, что силы капиталистического консерватизма и реакции, сами отказы-

вающиеся принести на алтарь отечества хотя бы сантим из своих прибылей, пользуются «патриотической тревогой» лишь как прикрытием и орудием шантажа, чтобы добиться своей основной политической цели — ниспровержения ненавистного Народного Фронта, ликвидации всех завоеваний, экономических, социальных и культурных, сделанных под его эгидой трудящимися массами, и возвращения внутренней и внешней политики Франции в русло, по которому ее так настойчиво вели, после фашистского путша 1934 года, правительства «Национального Единения» — вплоть до майских выборов 1936 года, передавших власть в руки Народного Фронта.

Эта политическая перспектива—крушения Народного Фронта — не только взбудоражила рабочих, но испугала и широчайшие слои городской мелкой буржуазии и крестьянства, которых удлинннение рабочего дня само по себе, быть может, и оставило бы равнодушными. Но за крушением Народного Фронта мелкие лавочники, ремесленники, содержатели гостиниц и т. п. видели ликвидацию всех тех выгод, которые доставляют им повышение жизненного уровня их рабочих заказчиков и потребителей, оплаченные отпуска, новые формы организации кредита и распределения налоговых тягот и т. д., как крестьяне видели угрозу ликвидации Хлебной Палаты и восстановления засилия скупщиков оптовиков, крупных мукомолов и банков. Забунтовал не только рабочий. Забунтовал, в городе и деревне, и мелкобуржуазный избиратель той радикальной партии, председателем которой состоит глава правительства. Угроза самому существованию Н. Ф. вновь раздула начавшееся уже было затягиваться пеплом народно-фронтовое пламя в низовых массах. И с этим возрождением идеи Н. Ф. в массах не могли не посчитаться и партийно-парламентские верхи всех партий Н. Ф. без исключения. Начатый маневр пришлось оборвать, не доведя его до казавшегося уже столь близким «победного конца»...

*

Если бы над Францией, как и над всем миром, не висели сгущающиеся с каждым днем тучи военной опасности, и если бы трудящиеся массы ее и их организации не относились к предотвращению этой опасности с куда бо́льшею серьезностью и искренностью, чем те капиталистические круги, которые готовы требовать всевозможных «жертв» от других, но сами ни на самомалейшую жертву неспособны, то, нет сомнения, аттака на социальное законодательство Леона Блюма и, в частности, на 40-часовую неделю, привела бы к настоящему кризису правительства Даладье и, вероятно, закончилась бы новым сдвигом Народного Фронта «влево» — восстановлением руководящего участия социалистов в кабинете Н. Ф. Но в тех внешне-политических условиях, в которых кризис разыгрался, последовательное и логическое завершение его оказалось невозможным. Развязку пришлось отложить до так называемых «лучших» времен, которые в обстановке, создаваемой воинствующим фашизмом, могут, конечно, оказаться и — худшими.

Но, если развязка отсрочена, это не значит, что она снята с порядка дня. Если пока что все повисло в воздухе, то это не значит, что пережитый Народным Фронтом кризис прошел бесследно и что в ходе его уже не наметились элементы его будущего разрешения, изучение которых имеет первостепенный интерес для понимания условий борьбы за мир, демократию и социализм не только во Франции, но и во всем мире.

За последние полтора года, со времени вынужденного внешними и внутренними давлениями провозглашения пресловутой «паузы», Н. Ф. находился как будто на ущербе. Его парламентское и правительственное выражение, если исключить короткий эпизод второго кабинета Блюма, во всяком случае приобретало все более умеренный и «правый» вид, заставляло многих думать, что, в конце концов, вопреки всему, что говорилось и ожидалось в момент образования Н. Ф. и его первого правительства, речь идет в сущности о такой-же коалиции партий и о таких-же коалиционных правительствах, какими были и «другие».

Ход августовского кризиса показывает скороспелость и ошибочность такого отождествления. Именю попытка правительства стать «таким-же, как другие» коалиционные правительства, столь хорошо известные из истории и Франции, и других стран, вызвала к новой жизни и новому под'ему энергии Народный Фронт, как союзно-классовую и массовую силу, способную подчинить себе силы партийно-парламентские и противоставить себя правительству, «такому, как другие»: попытка подчинить интересы и политику рабочего класса интересам и политике капиталистической верхушки или, по крайней мере, изолировать его от не-пролетарских трудящихся классов не удалась. Союз пролетариата с не-пролетарскими трудящимися классами не ослаблен только что разыгравшимся кризисом, а, наоборот, получил в нем новую жизненную зарядку, и есть все основания думать, что этот факт окажет, когда наступит для того время, более сильное влияние на методы и формы разрешения тех противоречий, которые оставлены Народному Фронту в наследие пережитым кризисом, чем все те партийно-политические и социально-психологические отталкивания и притяжения, которые действуют на парламентской и правительственной аренах и которые имеют решающее значение для судеб «вульгарных» коалиций: от «других» коалиций Народный Фронт отличается именно тем, что массы и классы и непосредственно, и в лице своих организаций играют в нем активную и, по существу, решающую роль. Только уничтожение этой массовой и классовой основы Народного Фронта означало бы его действительную политическую смерть. Ход и исход августовского кризиса показал, что во Франции этого еще не случилось, что Н. Ф. в ней еще жив, что задушить его петлей парламентской процедуры, парламентских комбинаций и сделок не так то легко, и что он способен еще разорвать эту петлю имеющимися в его арсенале методами классового и массового действия.

Но ход и исход этого кризиса показал сверх того, что остается еще незыблемой теснейшая связь рабочего класса с не-пролетарскими трудящимися класами; что, удовлетворяя насущнейшие интересы этих классов, французский пролетариат может и свои собственные классовые требования делать непременной составной частью общей программы Народного Фронта, а самой этой программе придавать — на деле еще больше, чем на словах, — все более отчетливо выраженный анти-капиталистический характер; что, наконец, всем этим он способствует созданию условий, в которых именно на его долю и на долю его классовых организаций все более выпадает руководящая политическая роль: на рабочий класс вынуждена капиталистическая реакция направлять свои главные удары, чтобы подкопаться под Народный Фронт; рабочий класс оказывается наиболее способным немедленно организовать сопротивление всякому покушению на Народный Фронт, вовлечь в это сопротивление и не-пролетарские трудящиеся классы и дать ему определенную экономическую, социальную и политическую программу; вряд-ли у кого может возникнуть сомнение насчет того, какое руководящее место пришлось бы снова занять социалистической партии пролетариата в разрешении правительственного кризиса, если бы до него дошло дело.

Эти выводы или, точнее, эта констатация фактов имеет значение не только для внутренней политики Франции, но и для ее внешней и даже для ее военной политики, если бы фашистским преступникам и впрямь удалось зажечь мировой пожар. Весь развязанный речью 21 августа кризис протекал и еще протекает под давлением величайшей внешне-политической опасности и военной угрозы. Именно поэтому в ходе его стало особенно ясно, как безнадежна попытка организовать борьбу за мир и самозащиту страны против или хотя бы без рабочего класса, как утопична мысль, что капиталистической буржуазии, заранее компрометирующей свой «патриотизм» явной фальшью своекорыстия, «кагулярскими»

заговорами против республики и демократии, заигрыванием и прямыми связями со всеми фашистскими диктаторами, удастся повести в бой пролетарские и не-пролетарские трудящиеся массы, если война и в самом деле вспыхнет. Все говорит за то, что во Франции могут создаться условия, при которых задача ведения войны ляжет в этом случае с самого начала не на правительство «священного единения» старого типа, а на правительство Народного Фронта или на правительство, в котором Народный Фронт будет играть такую-же решающую роль, какую пролетарско-социалистические элементы будут играть внутри самого Народного Фронта. Надо-ли говорить, какое значение имел бы такой факт для социально-политического характера и социально-политических перспектив самой войны?

Все это, разумеется, отнюдь не значит, что можно с невозмутимым оптимизмом пассивно и спокойно ждать дальнейшего развития событий. Нет, это значит только, что ход событий сам указывает пролетариату направление, в котором ему надо активно и планомерно работать, и создает условия для возможного успеха этой работы — не в одной только Франции.

Ф. Д.

Жан ЛОНГЭ

Наш номер уже верстался, когда телеграф сообщил о смерти Жана Лонгэ, скончавшегося от заражения раны, полученной им 1 сентября при автомобильной катастрофе.

Сын коммунара, Шарля Лонгэ, и, по матери, внук Карла Маркса, Жан Лонгэ, родившийся 10 мая 1876 года, с ранней юности вращался в социалистической среде и со студенческой скамьи вошел уже в социалистическое движение. Видная роль выпала на его долю во время войны, когда он стал одним из вождей интернационалистского меньшинства. После раскола в Туре он основал газету «Вечерний Попюлэр», из которой вырос нынешний центральный орган партии. Особое внимание посвящал всегда Лонгэ международным делам и был видным членом Социалистического Интернационала. Живой и общительный, он имел в партии много друзей, и его смерть, столь бессмысленно-неожиданная, вызвала у них чувство самой неподдельной и жгучей боли.

Наша партия, теряющая в лице Лонгэ давнего и испытанного друга, выразила французским товарищам чувства самого искреннего соболезнования.

ПО РОССИИ

«ЧИСТКА» ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР.

В европейской печати уже не раз мелькали сообщения об исчезновении с политической сцены депутатов Верховного Совета СССР. Полных сведений о числе ставших «бывшими» депутатов, вероятно, долго еще нельзя будет иметь, но по некоторым группам депутатов уже сейчас можно установить с очень значительным приближением размеры отсева. С наибольшей точностью это сейчас возможно в отношении избранных в ВС СССР членов Совнаркомов и председателей ЦИК'ов союзных республик, т. е. в отношении высших советских сановников в союзных республиках. В ВС СССР были избраны лишь сравнительно немногие из них, конечно, после тщательного отбора; это были в ноябре-декабре прошлого года самые влиятельные, самые «надежные» среди высших советских сановников «союзно - республиканского масштаба». Но вот в июле 1938 г. во всех союзных республиках состоялись сессии Верховных Советов, избравшие Президиумы ВС и новые Советы Народных Комиссаров союзных республик, но в списках членов этих высших союзно-республиканских органов (см. «Ведомости Верховного Совета СССР» от 9-го августа) уже не оказалось многих из тех, кто в декабре прошлого года был на вершине и удостоился избрания в ВС СССР. Это значит, что карьера их кончена, и что в частности они перешли в разряд «бывших» депутатов ВС СССР. Вероятно, многие из них уже под замком.

Украинская ССР избрала в ВС СССР председателя ЦИК'а, 3 заместителей председателя СНК и наркома. Ни для кого из них не нашлось места в составе Президиума ВС Украины и нового СНК. Все они стали «бывшими». Назовем их:

Петровский Г. И., председатель ЦИК'а.
Марчак Н. М., Сухомлин К. В. и **Тягнибеда Я. Ф.**, заместители предсовнаркома.
Леплевский И. М., наркомвнудел.

Советская верхушка **Белорусской ССР** была представлена при выборах в ВС СССР председателями ЦИК'а и СНК и двумя наркомами. Из четырех трое уже выбили:

Ковалев А. Ф., предсовнаркома (не смешивать с Ф. Г. Ковалевым, зампредом СНК Узбекистана),
Берман Б. Д., наркомвнудел (брат наркома связи СССР М. Д. Бермана),
..**Шишков В. Ф.**, наркомзем.

Азербайджанская ССР послала в ВС СССР и. о. председателя ЦИК'а, 2-х зампредов СНК и 4 наркомов. Из семерых пятеро уже «кончились»:

Халилов Манаф Агас оглы, зампред СНК,
Топуридзе-Сумбатов Ю. Д., наркомвнудел,
Алиев Искандер Али оглы, наркомлегпрома,
Мамедов Абдульфат Гейдар оглы, наркомзем,
Асадуллаев И. М., наркомвнуторг.

Счастливее оказалась судьба депутатов **Армянской ССР**. Армения послала в ВС СССР и. о. предЦИК'а, двух зампредов СНК и двух наркомов, но только один из них, наркомчем **Арушанян Ш. М.**, стал за истекшие месяцы «бывшим»

Из четырех депутатов **Узбекистана** — предЦИК'а, предсовнаркома, заместителя председателя СНК и наркомвнудела — также уцелели трое, и «исчез» лишь председатель СНК **Сегизбаев Султан.**

Таджикистан послал в ВС СССР председателя и двух заместителей председателя ЦИК'а, председателя СНК и 4 наркомов; все они до сих пор на вершине власти, кроме трех. наркомзема **Бобоколанова Пулата**, наркомпроса **Ниязова Мухамедамира** и наркомюста **Салихова Достана.**

Особенно не посчастливилось двум младшим сестрам среди среднеазиатских республик. **Казахстан** послал в ВС СССР председателей ЦИК'а и СНК, зампреда СНК и 4 наркомов, **Киргизия** — предсовнаркома и одного наркома. Из всех их уцелели по обеим республикам по одному человеку. Перешли в разряд «бывших» по Казахстану:

Умурзаков Нурбапа, председатель ЦИК'а,
Исаев Ураз, председатель СНК,
Лазарев В. Н., зампред СНК,
Залин Л. Б., наркомвнудел,
Манкин Бржан, наркомпрос,
Исенбаев Исен, наркомсовхозов;

по Киргизии:

Салихов Мурат, председатель СНК.

И только по **РСФСР, Туркменистану** и **Грузии**, представленным в ВС СССР соответственно 4, 5 и 6 высшими советскими сановниками союзных республик, до сих пор никто из депутатов этой категории не перешел в состояние политического небытия.

Подведем итоги. Всего было избрано в декабре 1937 г. в ВС СССР 57 высших советских сановников союзных республик, из них уже к июлю 1938 г. 25 политически погибли Среди погибших 2 председателя ЦИК'а, 4 председателя СНК, 5 заместителей председателя СНК и 14 наркомов.

Стоит отметить, что во время первой сессии ВС СССР в январе с. г. **Петровский, Мурат Салихов** и **Умурзаков** были избраны товарищами председателя Президиума ВС, **Сегизбаев** товарищем председателя Совета Союза, **Ковалев** членом комиссии законодательных предположений и бюджетной комиссии Совета Союза, **Исаев** членом бюджетной комиссии Совета Союза, **Сухомлин** и **Бобоколанов** членами бюджетной комиссии Совета Национальностей и **Марчак** членом комиссии по иностранным делам Совета Национальностей.

С. Ш.

ИЗДАНИЯ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ.

Новая Россия, № 51.
Бюллетень Оппозиции, № 68-69.
Українська Воля, № 4.
Информационный Бюллетень. Барселона. № № 49, 50, 51.
Знамя России, № 9 (109).
Deutschlands-Berichte der Sopade. Nr. 7.
La Révolution Prolétarienne, N° 277, 278.
Der Sozialistische Kampf, Nr. Nr. 6, 7, 8.
International Review, Nr. 3.
Socialist Review, Nr. 7.
Cahiers franco-roumains. Août 1938.
La Liberecana Sintezo, Nr. 8-9.
Nouveaux Cahiers, N° 31.

Le Gérant : Paul Colliette

Imp. Union, 13, rue Méchain, Paris.